

Страницы изъ годовъ моей жизни.

Нослѣ ухода Теокистова въ 1896 г. нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось междуцарствіе. Газеты указывали на многихъ кандидатовъ и между прочимъ на Адикаевского, всегдашняго аспиранта на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Рядили и гадали до тѣхъ поръ, пока не узнали, что на этотъ важный постъ назначенъ никому неизвѣстный дѣлопроизводитель военнаго министерства и бывшій адвокатъ нѣкій Соловьевъ.

Неожиданное назначеніе это поразило всѣхъ какъ громомъ. Откуда взялся онъ и какія имѣетъ данныя, чтобы стать во главѣ учрежденія, блюдущаго за направленіемъ всероссійской прессы? Вскорѣ стало всѣмъ извѣстно, что этотъ дѣлопроизводитель креатура всемогущаго оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева, и что назначеніе его послѣдовало по протекціи и указанію послѣдняго. Выяснилось между прочимъ и то, что Соловьевъ заслужилъ благорасположеніе своего высокаго покровителя тѣмъ, что онъ, будучи талантливымъ художникомъ-миниатюристомъ, угодилъ ему рисунками своими и заставками въ византійскомъ стилѣ къ тексту Священнаго Писанія, за что тотъ и обѣщалъ ему первое видное мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ, а такъ какъ не знали тогда кого назначить на открывшуюся вакансію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, то долго не размышляя, и назначили на этотъ постъ этого иллюстратора духовныхъ изданій. Ходила кромѣ того по Петербургу цѣлая легенда по поводу этого необычнаго назначенія. Рассказывали, на примѣръ, что оно было результатомъ переговоровъ по телефону Побѣдоносцева съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, акціи котораго сильно пошатнулись при Дворѣ. Первый обѣщалъ устроить послѣднему милостивую аудіенцію подѣ

условіемъ назначенія любезнаго ему кандидата. Отъ какихъ, подумаешь, случайныхъ чиновничьихъ комбинацій зависитъ подчасъ многое сюрпризное на Руси! Но чтобъ не слишкомъ кидалось въ глаза такое экстраординарное назначеніе и такой чрезвычайный служебный скачекъ—отъ дѣлопроизводителя на должность Ш-го класса съ правами товарища министра, придумали назначить Соловьева сверхштатнымъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, исправляющимъ обязанности начальника этого управленія, подъ каковымъ титуломъ онъ и пребывалъ во все время своего начальствованія, вплоть до увольненія и назначенія своего въ члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, что воспослѣдовало въ 1900 г.

Принявъ за правило какъ можно рѣже мозолить собой свѣтлыя очи начальства, я подносилъ себя въ Петербургъ только въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда оно мѣнялось. Въ такихъ случаяхъ, я считалъ своею обязанностью воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ начальника отдѣльной части совершать паломничество въ сѣверную Пальмиру, какъ для того, чтобы себя показать тому, отъ котораго я буду зависѣть, такъ и посмотрѣть на него самага, а главное—узнать его взглядъ на наше гибкое и неустойчивое дѣло. Воспользовавшись поэтому назначеніемъ новаго начальника, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая побывать на бывшихъ въ 1896 г. двухъ выставкахъ—всемирной въ Берлинѣ и всероссійской въ Нижнемъ-Новгородѣ,—я взялъ отпускъ и послѣ совершенія заграничнаго путешествія, прибылъ въ Петербургъ и явился къ своему новому принципалу.

Еще не видя и не слыша его, я по настроенію въ канцеляріи главнаго управленія и по разсѣяннымъ и отрывочнымъ фразамъ управляющаго ею Адикаевского, а главное по его походкѣ, безъ труда догадался, что курсъ у нихъ стоитъ на пониженіи. Всегда развязный, не въ мѣру краснобайствующій, наставительно тонирующий и ходившій съ разваленцомъ при прежнихъ начальникахъ и особенно при Теокистовѣ, Адикаевскій сталъ теперь неузнаваемъ. Куда дѣвалось бывшее орлиное величіе его! „Да это не Иванъ Петровичъ“, пишетъ Гоголь о правителѣ канцеляріи въ своихъ „Мертвахъ душахъ“, говоришь, глядя на него: Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь ближе глядишь—точно Иванъ Петровичъ! Эхе-хе! думаешь себѣ“... Эхе-хе! подумалъ и я себѣ, глядя на нашего Василя Семеновича, да это уже не тотъ Прометей, который былъ въ послѣдній мой пріѣздъ! Когда бывало этотъ верт-

лявый звѣздоносецъ въ накладкѣ летаетъ по канцеляріи словно на лыжахъ, это было вѣрнымъ признакомъ для меня, что тамъ, за притворенной дверью недосягаемаго святилища, у завѣтнаго письменнаго стола, не забранная имъ въ лапы и не подпавшая подъ его вліяніе фигура, и наоборотъ, если онъ фордыбачился и заносился, то это означало, что онъ властвуетъ во всю, и что начальникъ пляшетъ по его дудкѣ. Не знаю какъ для другихъ, но для меня, рѣдко наѣзжавшаго и вступавшаго въ верховное судилище наше на Театральной улицѣ, нашъ неувыдаемый и безсмѣнный вершитель былъ всегда точнѣйшимъ барометромъ господствующаго въ извѣстный моментъ настроенія въ высшихъ сферахъ и, глядя на его *maniére d'être*, я почти безошибочно могъ опредѣлить степень силы давленія въ этихъ сферахъ. Разговоръ нашъ съ нимъ начинался обыкновенно такъ:

— Что скажете и какая цѣль вашего прибытія?

— Приѣхалъ представиться новому начальнику и узнать какого мы должны теперь держаться направленія.

— Какое тамъ направленіе! Оно все то же, что было и какъ будетъ: запрещайте и запрещайте—вотъ вамъ и все направленіе!

И вслѣдъ за симъ онъ, по обыкновенію своему, начиналъ словно заведенный будильникъ трещать разную белиберду, не имѣющую никакого значенія и не примѣнимую къ дѣлу, а я терпѣливо выслушивалъ канцелярскія наставленія его до момента появленія въ дверяхъ дежурнаго курьера отъ начальника съ приглашеніемъ пожаловать къ нему. Такъ оно было и на сей разъ.

Войдя въ достопамятный начальническій кабинетъ и взглянувъ на поднявшуюся мнѣ навстрѣчу высокую фигуру новаго начальника, я прежде всего поразился его наружностью. Мнѣ тотчасъ припомнился Р—ій, очень мѣтко опредѣлившій наружность Соловьева.

И въ самомъ дѣлѣ—вся наружность покойнаго Соловьева не выражала ничего привлекательнаго: коротко остриженный, сѣдой, весь бритый, съ сумрачно поглядывавшими косыми глазами, онъ производилъ скорѣе отталкивающее впечатлѣніе, хотя въ манерѣ говорить и обращеніи его не было ничего грознаго и суроваго. Его косою глазь далъ поводъ Черниговцу сказать въ эпиграммѣ на него:

Не составляетъ и вопроса

Что на печать онъ смотритъ косо!

Пригласивъ меня сѣсть и задавъ мнѣ нѣсколько банальныхъ вопросовъ о положеніи цензурнаго дѣла въ Одессѣ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ, какъ я предполагаю

ѣхать въ Одессу обратно—прямо изъ Петербурга, или черезъ Москву? На отвѣтъ мой, что я имѣю намѣреніе проѣхать черезъ Москву, чтобы побывать на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ, онъ, словно обрадовавшись, сказалъ мнѣ:

— И прекрасно! Я хочу поручить вамъ передать кое-что московскому цензурному комитету отъ моего имени.

— Слушаюсь,—говорю и напрягаю свое вниманіе, чтобы должнымъ образомъ уразумѣть и выслушать начальническое приказаніе.

— Скажите имъ тамъ, пожалуйста, чтобы они ничего не пропустили браннаго о тещахъ.—Это подрываетъ семейные устои и вообще не годится... Такъ имъ и скажите отъ меня.

Я думалъ, что я ослышался, и когда онъ замѣтилъ, что фізіономія моя выражаетъ полное недоумѣніе, онъ еще разъ повторилъ:

— Такъ и скажите, чтобы о тещахъ ничего дурнаго не пропустили.

Когда, ошеломленный слышаннымъ, я вышелъ отъ него въ приѣмную, мнѣ навстрѣчу попался мой хорошій пріятель И. М. Литвиновъ, занимавшій тогда должность цензора драматическихъ сочиненій.

— Ну что, какъ понравился вамъ нашъ новый принципаль? спросилъ онъ меня, замѣтя вѣроятно мою смущенную фізіономію, и когда я ему передалъ про порученіе о тещахъ, онъ комически схватился за голову и воскликнулъ:

— Батюшки! А я вчера еще пропустилъ французамъ въ Михайловскій театръ цѣлыхъ двѣ пьесы, гдѣ тещъ раздѣлываютъ подъ орѣхъ! Да, батенька, добавилъ онъ,—такихъ экземпляровъ у Побѣдоносцева въ запасной кладовой его имѣется еще не мало...

Что оставалось мнѣ дѣлать? Пріѣзжаю въ Москву и преподношу порученное мнѣ Соловьевымъ тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета, тайному совѣтнику Веніамину Яковлевичу Федорову, человеку, весь вѣкъ свой прослужившему въ вѣдомствѣ цензуры и, можно сказать, съѣвшему собаку въ этомъ дѣлѣ.

— Да вы, А. Е., не шутите? спрашиваетъ онъ меня, нахмуривъ брови.

— Наисеріознѣйшимъ образомъ заявляю вамъ объ этомъ, В. Я., отвѣчаю, а самъ думаю: ну, какъ Соловьевъ откажется потомъ отъ своихъ словъ, и я въ дуракахъ останусь!..

— Въ такомъ случаѣ пожалуйста къ намъ завтра въ комитетъ—кстати засѣданіе у насъ назначено на завтра—и заявите намъ объ этомъ официально.

Въ назначенный на другой день часъ являюсь—*no lens-volens*—въ московскій цензурный комитетъ и тамъ, послѣ того, что Федо-

ровъ перезнакомилъ меня съ членами онаго и усадилъ подлѣ себя, торжественно, по его приглашенію, заявляю о возложенномъ на меня высшею властью нашею порученіи. Нечего и говорить, что эффектъ моего заявленія былъ сногшибательный: болѣе сдержанные изъ г.г. цензоровъ уткнулись носомъ въ столъ, желая скрыть душившій ихъ смѣхъ, а другіе, болѣе экспансивные въ проявленіи своихъ чувствъ, въ томъ числѣ и будущій начальникъ нашъ князь Шаховской, сидѣвшій послѣднимъ за столомъ засѣданій, безцеремонно разразились гомерическимъ смѣхомъ. Одинъ только почтенный предсѣдатель комитета сохранилъ полное самообладаніе и, давъ утихнуть волненію, пресеріознѣйшимъ образомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, а на счетъ тестей вамъ ничего не было поручено передать намъ?..

Исполнивъ съ полною добросовѣстностью мою миссію, я уѣхалъ изъ Москвы. Долженъ, однако, по правдѣ сказать, что меня неотвязчиво преслѣдовала все та же мысль—что, если Соловьевъ да откажется отъ своихъ словъ? и я внутренно бранилъ себя, что не заручился отъ него письменнымъ документомъ на этотъ счетъ. Вскорѣ однако я получилъ вполне успокоившее меня письмо отъ двоюроднаго брата моего, московскаго цензора Н. В. Егорова, о которомъ я уже говорилъ по поводу исторіи его съ кн. Вяземскимъ. Онъ писалъ мнѣ, что порученіе мое о тещахъ произвело фуроръ во всѣхъ образованныхъ слояхъ общества, особенно въ кругу пишущей московской братіи: вездѣ рассказывали о проѣзжемъ одесскомъ цензорѣ, привезшемъ такой раритетъ изъ Петербурга. По счастью вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Москву и самъ Соловьевъ, повторившій дословно комитету сказанныя мною слова, и, такимъ образомъ, всякое сомнѣніе на счетъ вѣрности передачи его мысли благополучно для меня подтвердилось.

Анатолій Егоровъ.

